

ИСТОКИ

ПОЭТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

Проект «Истоки» —
это обращение к теме личной памяти,
отражённой в современной
русской поэзии.

Издание включает работы авторов
из разных регионов. В центре
внимания — их воспоминания
о родных местах, семье и детстве.

Павел Пономарёв

Поэт, прозаик, публицист, преподаватель факультета журналистики Воронежского госуниверситета. Родился в 1997 году в Лебедяни Липецкой области. Окончил факультет журналистики.

Стихи, проза, эссе, критика публиковались в журналах «Знамя», «Звезда», «Юность», «Дружба народов», «Нева», «Наш современник», сетевых изданиях «Горький Медиа», «Литература», «Пролиткульт», «Формаслов» и др.

Автор романа «Ныне и присно» (Москва, 2025), книги стихов «Чернозём и суглинок» (Воронеж, 2025), книги художественной публицистики «Со-бытие. Дневник молодого человека» (Воронеж, 2020). Член Союза российских писателей.

Из ДЕТСТВА

1. И больше нет — ни дома, ни двора.
Казённая квартирка возле храма.
И сына утешающая мама:
в траве двора
играет детвора...

2. Я помню плиткой вымощенный двор,
и дедовский гараж,
сухой омшаник,
и Шурика — дворнягу-попрошайку...

И вечером на кухне за столом
дед поучает бабушку Людмилу.

И я —
всё о своём да о своём...

Мне восемь лет —
я рисовать мастак!
Я армию пишу Наполеона,
гусар летучих чудо-эскадроны,
и сам — Наполеон я...

И дурак.

3. У деда рак —
заканчивается детство.
Давно я научился рисовать.

Лекарствами осажена кровать,
и дед с кровати больше не встаёт.

А жизнь идёт —
в четырнадцать,
и лёд
зачем-то в ноябре затеял таять,
и в комнате вдруг летними цветами
запахнет, будто
детством пахнет мёд.

И послезавтра дедушка умрёт.

4. Когда Господь последний день засёк,
раздался снег —
когда прабабка Аня
в кровать конфеты сыну принесёт.

И мать от смерти сына не спасёт
помятыми конфетами «Пилот»
и цыпками на сморщенных руках,
что вынесли и выносили страх
младенца перед тихой темнотой:

«Спи — ничего
не бойся, мальчик мой».

...На кладбище играет детвора.

И больше нет — ни дома, ни двора.

Говорят, сын
должен быть похож на маму —
тогда он будет счастлив.

Говорят, дочь
должна быть похожа на отца —
тогда она будет счастлива.

Я не знаю, так ли на самом деле,
но кажется, я похож на маму.
И кажется, я — счастливый.

А мама похожа на своего отца —
рыжая, гордая и смешливая.

Стало быть, я
похож на деда.

Я не знаю,
будет у меня сын или дочь,

но я хочу, чтобы все они,
независимо от того,
чьи черты унаследуют,

были счастливы.

Белка

В Лебедяни была метель, и такого дня —
когда воздух дышал серебряной кристальной пылью —
больше никогда не было.

Ты позвонила мне и сказала:
«Если ты не приедешь, я не сдам — помоги мне
выучить билеты».

Январское двадцатиградусное — с минусом — солнце
выжигало глаза, и от него хотелось смеяться и чихать.

Дорога кончается: вот уже золотятся окна
воронежских коробок,
и ты скользишь по тротуару параллельно автобусу,
в котором я еду.

Мы купим молоко (непреренно лебедянское),
куриное филе, паприку.
И шоколадку — тебе.

Твоя шапка похожа на беличьи уши.
Ты говоришь, что тебя раньше звали «Белкой».

Мы придём ко мне, и ты будешь готовить своё
коронное блюдо.

Я буду читать дурацкими голосами билеты
к экзамену, а ты — повторять их.
И вдруг скажешь: «Тебе надо было поступать
в театральное».

А потом будешь долго рассказывать о себе.
Я провожу тебя до общежития.
У порога будут стоять двое,
выдыхая в звёзды сигаретно-морозный пар.
Но они не увидят моё лицо —
ты не подпустишь меня рядом с собой к общежитию.

Утром ты сдашь на отлично, и мы с тобой больше
не встретимся.

Папе

Когда пасхальный снизойдёт огонь,
То заповедь отца: «Огня не тронь!»
Припомнит сын — дрова перевернёт:
«Назад два шага — это шаг вперёд».

Круженье пчёл, круженье над огнём
Огнём ещё не разогретым днём.
Воскреснет день, теплом огня маня:
«Огня, сынок, — поддай ещё огня!»

Крушение пчёл, крушение над огнём,
Не думавших и думавших о нём.
Задумавшись, сын прах перевернёт:
«Назад два шага — это шаг вперёд».

ДОЖДЬ В ГОРБАЧЁВКЕ*

Дуб и сосна.
Дед и бабушка.

А между ними —
расстояние от его ухода до её.

Эту дорогу
мне предстоит пройти.

Здесь пахнет травами, мёдом,
будто на пасеке деда;
я задаю вопрос:
нет ли здесь рядом пасек?

«Есть», — отвечают мне.

Здесь земляника с душицей —

мы наклоняемся их собрать.
Травы нам кланяются в ответ.

Детство с дедом и бабушкой
кончилось с их уходом.

И вот теперь, по прошествии лет,
только и делаю, что выписываю
детство, бабушку, деда.

Неужели большего мне не дано?
Неужели на большее я не способен,
кроме как бесконечно и неудержимо
в детство впадать —
возвращать и его, и их?

Впрочем, разве этого мало?

Может, всю свою жизнь
я отдам для того,
чтобы они продолжались
вокруг, во мне, во всём,
что бы я ни совершал,
где бы я ни находился.

И когда я задам себе этот вопрос,
точас же —

в самый знойный день этого лета,
в день, когда я их увидел в ландшафте
некогда бывшей здесь Горбачёвки,
рядом с домовыми ямами,
то есть пустотами на местах
с травами и деревьями,

где раньше жили люди, —
здесь и сейчас прольётся дождь.
Дождь среди ясного неба и зноя,
дождь посреди духоты и удушья —
июльский полуденный дождь.

Это и будет ответом.

* Горбачёвка —
вымершая деревня
близ села Кривель
Сапожковского
района Рязанской
области.

Handwritten signature

Алексей Комаревцев

Алексей Комаревцев родился в Бердянске в 1988 году. Окончил Институт культуры. Участник Поэтического союза «ИЛИ». Публиковался в журналах «Новый мир», «Крещатик», «Дружба народов», «Звезда», «Урал», «Литература» и др. Лауреат премии журнала «Звезда» (2022). Автор сборника стихов «Спецпоказ» (СПб., 2021). Ведёт поэтическую студию «Разбег».

Живёт в Санкт-Петербурге.

ДЕТСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Вот бы снова попасть на бетонный причал —
тот, с которого я
несуразные палочки морю вручал,
словно два корабля.

Набегал вечерок, в небесах синева
говорила «гудбай».
Собирала креветок внизу пацанва
у пупырчатых свай.

Голосили птенцу: «Выходи из воды»,
обещая люлей.
Убирали слонов шахматисты-деды
на капот жигулей.

На азовском ветру, на крючке рыбака
трепыхалась тарань.
И Киркоров звучал из глубин «Маяка»,
напрягая гортань.

Если кто-нибудь ждёт поворотов лихих —
не дождется нигде:
только странных времён озорное хи-хи
да матрас на воде.

Я с причала смотрю в сероватую гладь
на смешные «суда».
Нет бы просто пойти и кого-то обнять,
сохранить навсегда,

как жука в янтаре. Превращался причал
в уходящий фрегат.
А я дальше сидел и со всеми встречал
полосатый закат.

Шахматисты-деды изучали ладью,
а ребенок — драже.
Синева в небесах говорила «адыю»
в полный голос уже.

* * *

Люблю тебя, дальний подсолнух!
Волнительных листьев слои.
Ты всё замечаешь в обзорных
движениях круглых своих.

Когда каждый шаг — центрифуга,
напомнишь почти без труда,
что двигаться, даже по кругу,
ещё существует куда,

что зубы когда-нибудь сточит
упрямый тугой нарратив,
а ты будешь так же решётчат
и на повороте правдив.

Что за чудо! Пролетел фазан.
В лобовом стекле мелькнул и скрылся.
Будем всё же доверять глазам —
фотоаппарат не пригодился.

Сказочный окраинный сюжет
выпорхнул сюда из книжных полок.
Это был фазан, сомнений нет.
Точно он — не нужен орнитолог.

Да и сам объект уже исчез —
это вам не голубь, не синица.
На мгновение перепутал лес
и вернулся в прежний — на страницу.

Откроешь окно, как в кино Соловьёва —
и хлынет, минуя кордон,
тот мир, что пока ещё не завоёван,
на кальку похожий, на сон.

Я знаю немного, но помню всецело —
так рьяно, что тянет на фол.
И ветер промчит по лицу между делом,
как будто бы поезд прошёл.

Варвара Ларионова

Варвара Ларионова родилась в Санкт-Петербурге. Участница поэтических сборников и фестивалей «Дом Довлатова», «Живые улицы», «Белые ночи» и «Поэтфест». Пишет тексты песен для фолк-групп, коллекционирует книги сказок и часто ищет в них вдохновение.

* * *

Кажется, мне всё ещё пять лет
И скоро деда придёт с полей,
Он ушёл, когда занимался рассвет —
Я слышала стук копыт лошадей,

Я слышала блянье стада овец,
Тяжёлые вздохи пегих коров...
Белый кот прокрался, подлец,
В кровать, распугав мне десяток снов.

Вот я сижу за старым столом,
В кружке щербатой моей молоко,
Меня не волнует, что будет потом,
Ведь это потом — так далеко,

Меня не волнуют издержки любви,
Осколки сердца и прочая чушь —
Я пойду на пруду водомерок ловить
И измерять глубину серых луж,

В субботу мне будет звонить отец —
Один на деревню есть телефон,
Лету ещё далеко не конец.
Ещё целый месяц: кузнечиков звон,

На пасеке деда жужжание пчёл,
Сморода, варенье и сенокос...
Ещё из родных никто не ушёл
И этот мир так понятен и прост:

С утра будет каша, в обед будет суп,
А вечером баня, картошка и квас...
Я маме букет из пижмы несу,
Как будто никто не вырослел из нас,

Как будто мы всё ещё здесь за столом,
Нам пять и в кружках у нас молоко...
И нас не волнует, что будет потом,
Ведь это потом — так далеко.

СЕГОДНЯ СНОВА СНИЛИСЬ СТАРИКИ

Течение бесконечно у реки
И времени шаги неумолимы.
Под утро снова снились старики
И август — хлебосольный и любимый.

Мне снился голос — он мне так знаком —
Но слов не разобрать и не услышать,
Мне снился дом. Мой одряхлевший дом,
И шёпот клёна снился мне над крышей,

А я стою, как будто вдалеке,
И лишний шаг не сделать отчего-то...
Я с каждым годом дальше по реке,
А дом остался там, за поворотом,

Где до сих пор стоит пчелиный звон,
Где вечный август — яблочный и сладкий,
И вот бы зачерпнуть его в ладонь
И выпить залпом, чтобы без остатка...

Но детство — за излучиной реки,
Запуталось в кленовой паутине.
Под утро снова снились старики
И дом, в который больше не войти мне.

Сядем, дед а

- Сядем, дед, посидим на лавке...

Что тут нового на селе?

- Да к отаре прибилась шавка,

Только вечно навеселе,

По весне родились ягнята,

У Румянца один издох...

Ну да Коля не виноватый,

Тот с рожденья совсем был плох.

Юра новую взял корову —

Будет внукам большой удой,

Мы вот красили пол по новой

В нашей комнатке небольшой.

Варвара Ларионова

Со здоровьем у нас в порядке,

Так, бывает, болит спина —

Проведу целый день на грядках,

Ночью маюсь потом без сна,

Мёда нынче — почти что море,

Ты с собой хоть возьми чуток...

В общем, мы тут живём без горя,

Нам-то что, уж подходит срок —

Ты вот время не трать задаром,

Жизнь — то знаешь, у нас одна,

Чтоб потом, когда будешь старой,

За года не взяла вина...

Время держит нас, как удавка,

Кто ушёл — уж не воротить...

Мне бы с дедом присесть на лавку —

Хоть минуту поговорить.

Отслужи панихиду, ветер,
По любимым моим местам:
Там, где яблони на рассвете
Пели-плакали пастухам,

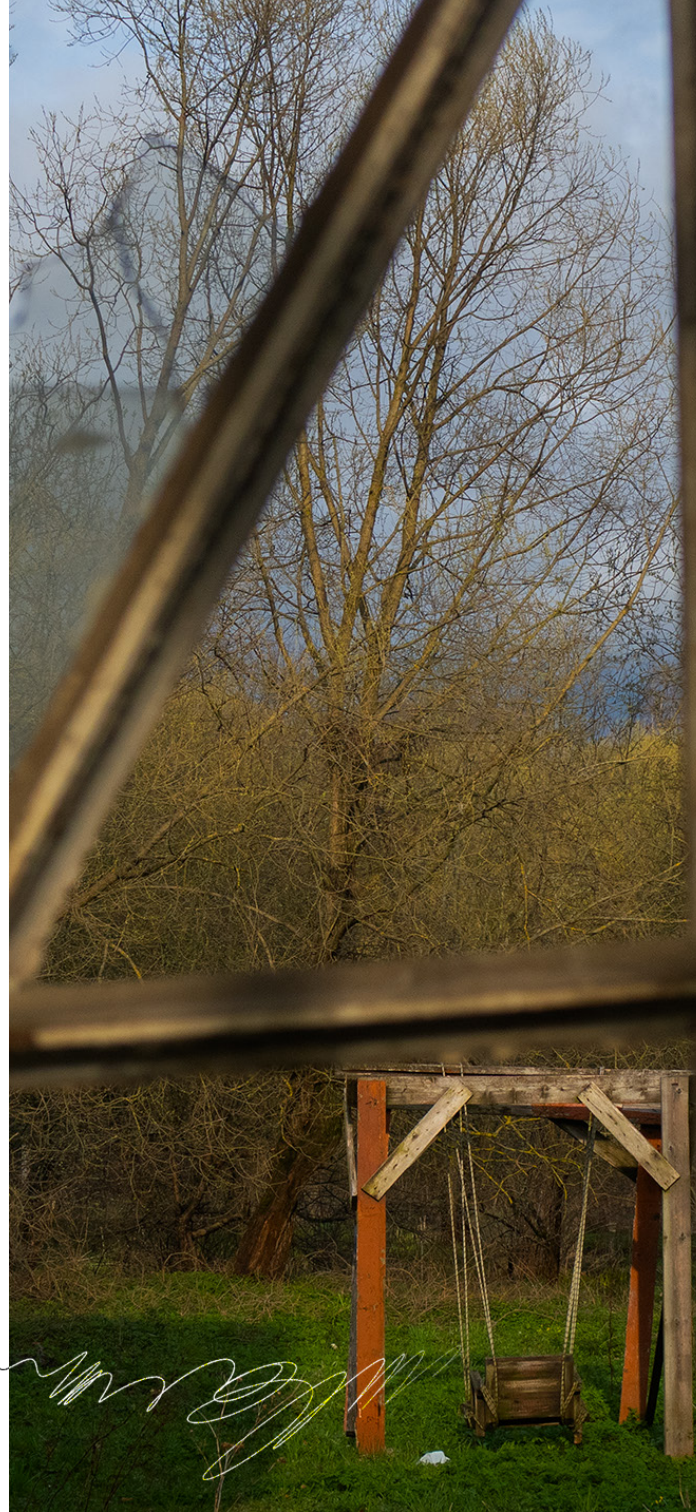
Где родник истекал прохладой,
И широкой сырой тропой
К роднику приходило стадо
На полуденный водопой,

Где на пасеке звон пчелиный
Возле жёлтых медовых слив,
Где в саду — аромат малины,
Клонит ветви к земле налив,

Там, где пёс молодой брехливый
Свесил с пасти в жару язык,
Где вдали голубеют нивы
С голубым горизонтом встык,

В полумраке хлевов ягнята
Пахнут сеном и молоком,
Где стекает сироп заката
На высокий шумливый клён...

О моём безвозвратном лете,
По давно уж прошедшим дням...
Отслужи панихиду, ветер,
По любимым моим местам.

Сергей Тарасенко

Сергей Тарасенко родился в 1995 году в посёлке Ягодное Магаданской области. Жил в Магадане, Белгороде, сейчас живёт в Санкт-Петербурге. Работает в книжном магазине «Во Весь Голос». Создавал колажи для выставки «Во Весь Голос». Создавал колажи для выставки «Воздушные шарики» (2021) и писал стихотворения для сборника «Это может вас ранить и даже убить» (самиздат, 2025).

можно было написать о магаданском ветре
В. Козин пел про магаданский ветерок
и в этом был его юмор
можно было написать о сопках
о том какие они морщинистые зимой
и будто волосатые
похожи на подмышки
а летом они чем дальше тем голубее
так что в итоге растворяются в небе
можно было написать о море
как я его не коснулся в этот раз
но как оно меня успокаивало
надо покупать постельное как море
оно такое с безопасного берега естественно
можно было написать о детстве
с четырнадцати лет или раньше о чём я думал
или позже про мои счастливые пятнадцать
я плакал думая о смерти родителей по пути в школу
можно было написать о друзьях
А. Пушкин откликнулся во мне во времена школы
его стихи о друзьях
и теперь я понимаю почему
можно было написать о семье
но я не буду тащить её в стихотворения я обещал
и так коснулся тут и мне не по себе
я их так сильно люблю
а я напишу как я сейчас лежу в остывающей ванне
под моим копчиком песчинки упавшие с моих ног
во мне желание обнять все эти дни
я попросил самых ленивых актёров моего воображения
устроить мне генеральный прогон этих дней
и только один среди этих бездарей
выучил текст
был внимателен убедителен
и выбил у меня слезу на финальном монологе
сцена в ванной
но я не скажу кто это был
аплодисменты и благодарность каждому

Медведь

**почему-то от её стула было теплее,
чем от остальных**

однажды я просто захотел полюбить
почему-то с ней не хотелось
чтобы дорога от школы кончалась домом
и с ней было смешно
а теперь я набрасываю это в форме стихотворения
ведь я сегодня прошёлся от школы до ее дома
и мне было немного смешно
что однажды я просто захотел полюбить
а теперь я набрасываю это в форме стихотворения

что поэты часто
 роднят себя с птицами
 деревьями
 травами и реками
 своей страной или временем
 думать, скорее, занято
 что плодотворно и полезно
 когда идёшь на работу
 через большую стройку
 и двух моих выходных достаточно
 чтобы здесь поменялось всё
 это моя зима на берегу Рейна
 или у лесного ручья из школьного диктанта

парк стал намного меньше,
 деревья лежат, обнажив корни.
 это память моя,
 то, что пытаюсь забыть,
 проступает сильнее всего,
 отнимая место для жизни.

глубокий затопленный овраг,
 из него откачивают воду —
 это мои сны.
 там на дне будто бы ничего,
 не верится в меч-кладенец.
 и ещё это моя зависть и восхищение
 тому, кто его ищет,
 копая колодец знакомому на даче —
 знатоку пород и камней,
 времён планеты.

прожектора над бараками
 и дыма тонкая струя от каждого —
 это тело человека.
 он обнаружен, пробуждён
 и теплом проявляет себя небу
 на места преступления
 или теракта.

Сергей Тарасенко

точный и могучий экскаватор,
 рабочий даёт сигнал сначала ему,
 потом нам,
 его величие, как масштаб космического
 корабля, который придумал из маминной заколки,
 укрывшись одеялом.

и детство, его счастливые моменты
 рассыпаются по жизни сейчас, как
 всё, что может рассыпаться во всю ширь
 пространства и поверхностей в нём.

решётка, из которой складывается мой путь,
 каждый раз новый —

это ли не метафора для жизни вообще.
 и приятно идти по деревянным дорожкам,
 забывшись и принимая —
 нет никаких революций в этой колее
 и она забудется быстрее, чем

Илья Макаp

Сергей Тарасенко родился в 1995 году в посёлке Ягодное Магаданской области. Жил в Магадане, Белгороде, сейчас живёт в Санкт-Петербурге. Работает в книжном магазине «Во Весь Голос». Создавал колажи для выставки «Во Весь Голос». Создавал колажи для выставки «Воздушные шарики» (2021) и писал стихотворения для сборника «Это может вас ранить и даже убить» (самиздат, 2025).

* * *

ветер над чернозёмом
и в форточках тоже ветер
гуляет
поскрипывая

дощатый забор
сменился
ограждением из профнастила

серый щербатый
забор
сквозь него было видно
всех проходивших мимо
(и нас тоже им было видно)

по забору мы угадывали
наш участок
когда шли с реки

та *река называлась*

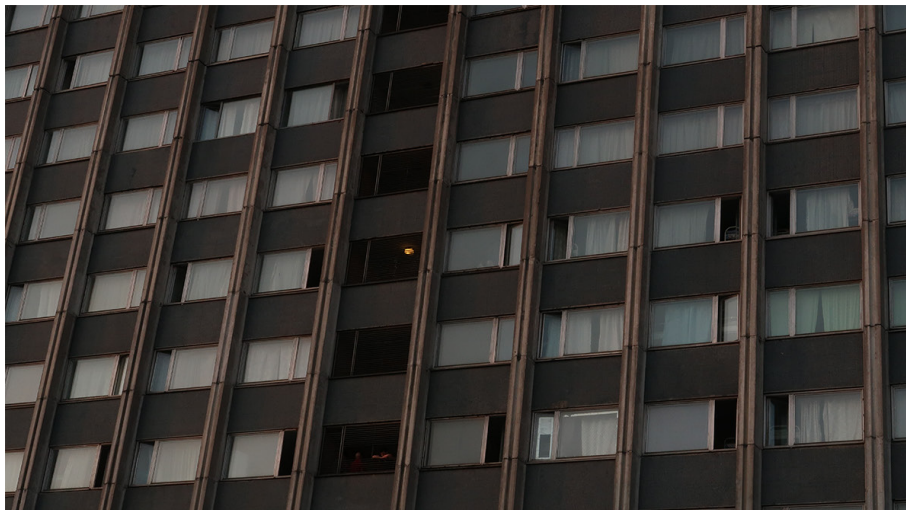
просто речкой
с корнявым берегом
за *водокачкой*.

теперь от забора остались
доски
слегка гнилые

теперь от забора остались
гвозди
слегка *шальные*.

ещё не за чертой
но в небе багрянец
можно покидать вагон не спеша
поезд дальше уже не идёт
выхожу в город
вижу отца
он тихонько меня обнимает
едем в машине молчим
когда-нибудь тоже стану отцом
в городе привычно пахнет свежестью
листвой и цветами
наверное этот запах сохраняется здесь даже зимой
проезжаем родную панельку с советской мозаикой
раньше в ней жили бабушка с дедушкой
теперь это просто дедушкин дом
днём иду к нему в гости
надо мной вертолёт пролетает
в детстве с отцом собирали модельку такого
а потом отец рисовал на нём триколор
рядом с блоком «укрытие» жду автобус
в голове стишок сочиняю
из-за поворота виднеется
кажется мой

Звук

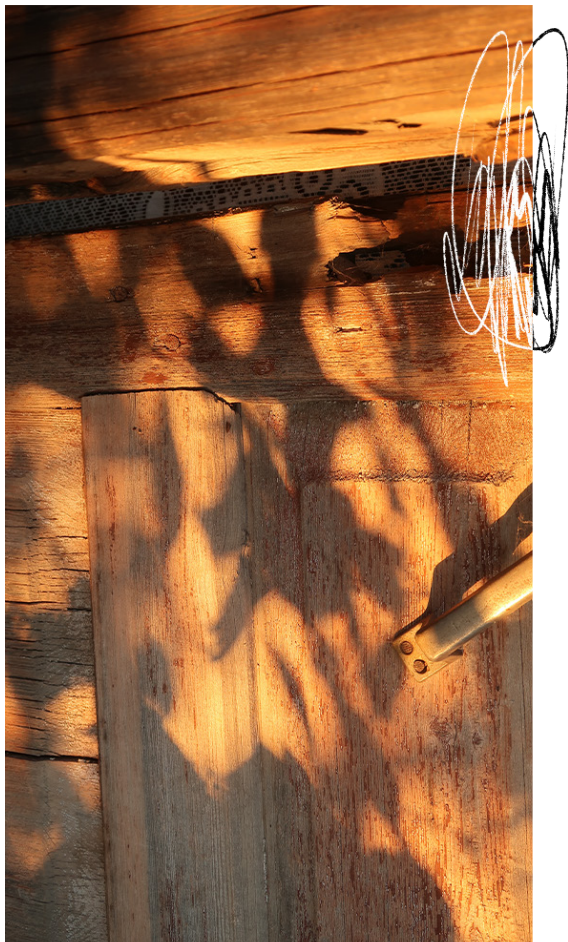

звук*и* в да*ли*
громкая просьба отойти от края платформы
тихое детство на берегу родного Оскола (реки)
мелкий дождь упал за воротник
серый свет солнца утонул в снегу
камушек застрял в ботинке

УТро

кувшинки в тёмной воде
колышутся течением
уходят под воду
возвращаются на поверхность
цветут
в сезон дождей
когда вода уже затопила мостик
с которого здесь
прыгали
щучкой / бомбочкой
однажды тоже прыгнул
плавал под водой
долго
напугал мать
потом сидел на берегу
долго
наблюдал за водомерками
от них остаётся красивый след
я бы хотел оставить
подобный
едва заметный
мимолётный
пусть

Родная речь

о чём она
о том
как у тебя дела

прости
не виделись давно
да и вообще
прости за всё

родная речь
рука река
родное тихое
пока
кривые вишни
чернозём
и лето
смытое дождём

ИСТОКИ. ПОЭТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Руководитель проекта:

Мария Абрамова

Идея сборника:

Илья Макар

Редакция сборника:

Илья Макар

Тамара Семячкина

Авторы:

Павел Пономарев

Алексей Комаревцев

Варвара Ларионова

Сергей Тарасенко

Илья Макар

Фотографии:

Тамара Семячкина

Дизайн, графика:

Екатерина Предеина

**Книга издана при поддержке
Библиотеки «Малоохтинская».**

СПбГБУК «Централизованная библиотечная
система Красногвардейского района»

2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

О проекте.....	3
Павел Пономарев.....	7
Алексей Комаревцев.....	19
Варвара Ларионова.....	31
Сергей Тарасенко.....	43
Илья Макар.....	53

